

Семен Абрамович

Я в очереди на рассветы...

* * *

Звёзды семенами космоса
в благодатную землю падают.
И не только ночами августа,
каждой ночью бессонной радуют.

Не дают глаз сомкнуть, будят мыслями.
Только трудно принять мельтешение
тысяч слов, перемешанных с числами,
наше краткое лет исчисление.

Кратковременности ощущение
к нам приходит тогда в осознании,
когда близок наш путь к завершению
и к земному его окончанию.

* * *

Полнолуние зажато
между финишем и стартом,
меж лучами перфокарты
необъятной звездной карты.
Эстафеты, перегоны...
Перестуки, перезвоны...
От бессилья только стоны...
Мир – змеение Горгоны.

Клавиш лепет,
сердца трепет...
Ночь химеры свои лепит,
бра бессоницею слепит.
Дышит влагою подушка,
сфокусировав однушку
в точку, взятую на мушку.
Тишина – моя ловушка.
Новогодняя хлопушка.
Жизнь – разбитая игрушка.
И опушка, как макушка,
не осталось и полушки.
Звезд холодные неоны.
Блики теплые иконы.
Мчатся космоса фотоны
сквозь безлиственные кроны.
Расползаются по стенам
весточки немой Вселенной.
Как клочки сухого сена,
как следы земного плена...

* * *

По ступеням бытия мы взбираемся сбиваясь – круто.
И скользим в пыли дорог, собирая незабудки.
Мы не думаем о том, что век отпущенный нам краток,
и о счастье, и любви распинаемся в тетрадках.
Наша страсть нежна, хрупка – полуночная зарядка...
и дорожку от слезы вытираем мы украдкой.
За окном темнеет ночь антрацитной чернью гладкой.
Лунный диск в рассыпе звезд серебрится, как лампадка.
Свет холодный, будто сталь, пробирается к запястью.
Жаль... каких-то полчаса – быть беде и быть ненастью.
Крик тревог, как вой гиен, расползается, как пена.
И опять бегу я в плен, в туалет к двум тонким стенам.
Ручка брошена, тетрадь... в ней стыдливо сникли строки...
больше нечего сказать...
стёкла блестками в кровати...

* * *

И всё же
рассветы восходят и светят...

Александр Володин

Как будто бы кто-то бросает костяшки на счётах
с какой-то безжалостностью и безразличием.
Да, так бывает во взаимных расчетах,
безмолвных до неприличия.
За каждым ударом костяшки – забвение слов,
забвенье объятий, забвенье букетов,
зажатых в корсеты платьев,
плывущих в август по реке времени...
в август, когда понимание
внятно лишь кастаньетам костяшек...
И когда сбитая сумма тождественна расставаниям.
Как будто бы легкое дуновение отмахек –
а было ли это?
И только после прилета –
 убийственно и громогласно движенье костяшек...
И пальцы массируют напряженные визгом виски...
И рви на себе хоть десяток рубашек,
уже не сбежать от разлук, от тоски...
Топорная эта работа – костяшки бросать,
бросая на ветер значимое бессознательное,
и этим бравировать и играть
в замечательные даты... был – не был.
И пусть они отзвенят
поступью качественных набоек
твоих убегающих фиолетовых туфель,
как редкий теперь виноград,
посаженный кем-то в глубине новостроек...
В даль, где опадают отторгнутые перья последних слов,
ставших незначимыми и ненужными,
завсегдатаями мучительных снов
и отражений ночных луж,
в которых тонет мой Альтаир,
на прощанье взмахнув крылами...

* * *

Я в очереди на рассветы.
Я в очереди на закаты.
Мне по душе университеты.
Кирпичных возведение кладок.

Ночи, карусели, циферблаты,
Отрывных календарей качели...
На свете нет всемогущих блатов,
чтобы по всем блатам преуспели.

У каждой ступени своя подсветка.
У каждой ступени свое зерно.
Далеких звезд мерцает сетка.
И в каждом раскладе свое домино.

Ах, если б я мог заглянуть за плечо –
Увидел, быть может, по три пух-пера.
И понял бы, понял... о, как же жжет
растраченное «вчера»...

